

Ключевые слова: лексикография восточных языков, японский язык, словари-разговорники, *Альберт В. Старчевский*.

Słowa kluczowe: leksykografia języków orientalnych, język japoński, słowniki-rozmówki, *Albert W. Starczewski*.

В лексикографии восточных языков отмечен ряд словарей-разговорников по многочисленным восточным и редким языкам, изданных в России в конце XIX в. Их составитель – литератор и журналист Альберт Викентьевич (Адальберт-Войцех) Старчевский (1818–1901). Польско-русский билингв (из волыньских дворян), он обладал незаурядными способностями к практическому усвоению языков: свободно пользовался латынью, основными европейскими языками, рядом славянских языков и местных наречий, но восточных языков не знал.

Описания и оценки толмачей (словарей-разговорников) Старчевского разбросаны в публикациях, относящихся к разным языкам и языковым регионам. В данной статье мы представляем общий обзор серии в контексте обстоятельств ее появления, а затем более подробно задерживаемся на «Японском толмаче».

Место Старчевского в культурном пространстве отечественной истории вполне определено. Благодаря его энтузиазму как основного редактора в России появился «Справочный энциклопедический словарь», известный как «Словарь Крайля» (Санкт-Петербург: К. Крайль, 1847–1855, 12 т.). Им написаны, в частности, «Очерки литературы русской до Карамзина» (1845), а также первая подробная биография Н. М. Карамзина, изданная в 1849 г. и вновь появившаяся в 2017 г. в современном переиздании. В истории журналистики Старчевский известен как редактор-издатель, его имя связано с огромным успехом еженедельной газеты «Сын отечества» в 1856–1869 гг. Ему принадлежит «Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию...»¹, а также «Памятник последней восточной войны 1877–1878 гг.»². Личные архивы Старчевского находятся в Пушкинском Доме – ИРЛИ РАН (Институте русской литературы Российской академии наук) и в РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства).

В жизни Старчевского было два связанных между собой «лингвистических периода». Первый относится к его поездкам в Европу в студенческие годы, он касался западных языков, второй наступил через 45 лет и касался восточных.

Старчевский учился на юридическом отделении Московского университета (начинал в Киевском), по результатам выпускных экзаменов получил степень кандидата прав³. Систематические занятия имел только первые два года: после второго курса был отправлен в поездку в Италию, а по возвращении очень скоро получил предложение поехать в Берлин. Там он имел возможность посещать

---

¹ «Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию, Ф. Миклошичу, А. Х. Востокову, Я. И. Бередникову и И. С. Кочетову» (Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1899).

² Старчевский А. В. Памятник Восточной войны 1877–1878 гг., заключающий в себе в алфавитном порядке биографические очерки всех отличившихся, убитых, раненых и контуженных: генералов, штаб и обер-офицеров, докторов, санитаров, сестер милосердия и отличившихся рядовых. Санкт-Петербург, 1878.

³ Так называлось свидетельство об успешном окончании базового университетского курса. – Т.Р.

Берлинский университет, работать в библиотеках и библиотечных фондах с рукописями⁴, и в этот период (1840–1842) осуществил ряд серьезных архивных и библиографических работ, связанных с применением иностранных языков: опубликовал двухтомник «Historiae Ruthenicae Scriptores exteri XVI saeculi. Сказания иностранных писателей XVI ст. о России», позже изданный и в Санкт-Петербурге, перевел на французский язык Коммерческий устав России. По просьбе А. И. Тургенева Старчевский на основании его материалов составил каталог европейских библиотечных и архивных фондов по истории России, а также разыскал в королевском архиве реляции бранденбургских посланников XVII в. и привез в Санкт-Петербург их копии (переданы в архив иностранных дел). В 1842 г., когда Старчевский уже вернулся в Россию, в Берлине был издан составленный им иллюстрированный сборник «Galerie Slave...» с краткими биографиями 360-ти прославленных славянских деятелей⁵.

Министр народного просвещения граф Уваров оценил труды Старчевского и ввел его в члены Археографической комиссии как корреспондента. Работа с архивами всегда привлекала Старчевского, он пользовался ими для написания работ по истории и словесности России, по славянской этнографии.

Второй лингвистический период приходится на последние 15 лет жизни Старчевского, когда он занимался составлением восточных разговорников и многоязычных словарей. Назовем часть из них⁶: «Спутник русского человека в Средней Азии» (1878), справочник «Наши соседи» (26 яз., 1886), «Кавказский толмач. Переводчик с русского на главнейшие кавказские языки» (1891 г. – 27 языков, 1893 г. – 30 языков), «Спутник-толмач по Индии, Тибету и Японии» (1891), «Русский морской переводчик во всех портах Азии на 25 языках» (1892).

Инициатором создания серии популярных разговорников на языках российских окраин и сопредельных государств выступило военное ведомство, заинтересованное в том, чтобы обеспечить возможность общения административных и армейских лиц с местным населением. Отсюда помета в первых книгах «издано при участии военно-ученого комитета» и раздел военной тематики. Но и с прекращением заказа Старчевский с увлечением продолжил работу. Незаполненную нишу заметили другие издатели, несколько книг было издано на частные средства.

Создание своих разговорников практиковалось, в частности, у Главного штаба, так был издан русско-турецкий разговорник О. И. Сенковского⁷. Но Сенковский – блестящий полиглот-востоковед. Конечно, Старчевский заслуженно имел репутацию специалиста, владеющего многими языками, но все равно странно, почему заказ поступил человеку, вообще не имевшему никакого отношения к Востоку – пожалуй, за исключением близкого знакомства и

---

⁴ Этот период Старчевский подробно осветил в своих «Воспоминаниях старого литератора»: журнал «Исторический вестник», т. 26, 1886, с. 46–51. – *Т.Р.*

⁵ В. Е. Рудаков Некролог «А. В. Старчевский». Журнал Министерства народного просвещения, ч. 339, январь 1902, с. 54–55. <http://www.runivers.ru/philosophy/lib/book7643/460158/>

⁶ Названия словарей Старчевского, очень подробные и развернутые, приводим их в сокращении – *Т.Р.*

⁷ Сенковский О. И. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 1–2. Санкт-Петербург, 1854.

профессионального сотрудничества в издательской области с самим О. И. Сенковским.

Мы видим тому две причины. Во-первых, заказ фокусировался прежде всего на регион Средней Азии, многочисленные языки и наречия которого были еще слабо изучены. Сложная история региона и этнографическая запутанность ставили перед исследователями много вопросов, мнения по которым расходились. Очевидно, никто из специалистов просто не взялся за такую работу. Во-вторых, сказалось общее отношение – даже среди людей образованных – к составлению иноязычных словарей, тем более, для широкого круга. В этом смысле примечательна позиция В. Р. Зотова, члена редколлегии журнала «Исторический вестник». Перечисляя в юбилейной статье вышедшие толмачи Старчевского, он делает следующее замечание:

«Всё это весьма полезные издания; менее существенную пользу может принести начатый им в нынешнем году «Русский объяснительный словарь» непонятных или неясно понимаемых слов русского книжного и народного языка со всеми областными наречиями и с славянским языком». Для такого труда надо быть присяжным филологом, Далем, Буслаевым, Срезневским. Гораздо более значения имеет другой только что предпринятый им труд «Русский морской толмач» во всех портах Европы, Азии и северной Африки на 50-ти языках, которыми говорят прибрежные жители этих стран света»⁸.

Иными словами, общественное мнение склонялось к тому, что человек вряд ли мог преуспеть в области исторической лексикографии, работая с языками и культурами, которые ему близки и знакомы, но мог вполне успешно заниматься лексикографической работой в сфере языков, которыми не владел.

Часть разговорников Старчевского снабжена пометой «составлено по методике Меццофанти». Имя кардинала Джузеппе Меццофанти, полиглота, постоянно продолжавшего осваивать новые языки, было в то время широко известно в Европе. В студенческие годы Старчевский встречался с ним в Италии, и в дальнейшем идея предложить способ овладения языком на практическом уровне быстро и без специальных лингвистических знаний увлекла его. В ГПИБ (Государственной публичной библиотеке России) сохранилась работа Старчевского «Настоящий (живой) всемирный язык. Упрощенный способ его изучения» (Санкт-Петербург: Г. Пожаров, 1889). Каких-то особых методик подачи материала у Старчевского не замечено, но появившийся в 1886 г. его «Русский Меццофанти. Руководство, как научиться говорить на иностранном языке в две-три недели» (французский, немецкий и английские языки) имел большой успех: за три года переиздавался трижды общим тиражом 8 тыс. экз.

Для современников Старчевского его роль как составителя была очевидна: «Словарь Брокгауза и Ефрона» отмечает эту область его деятельности, но не более. Со временем же информационный пробел привел к тому, что этот факт оказался известен лишь узкому кругу специалистов-восточников, работающих в области исторической лексикографии и библиографических исследований. При современном технологическом уровне информационных источников сведения о его

---

⁸ Зотов В. Р. Пятидесятилетие литературной деятельности А. В. Старчевского, журнал «Исторический вестник», т. 46, 1891, с. 154–155.

восточных переводных словарях получили широкое распространение, из-за чего в справочных материалах, в том числе в ряде библиографических, за именем Старчевского плотно закрепилась характеристика «знаток европейских и восточных языков». Более того, такая формулировка часто трактуется гораздо свободней – «знал, владел». Если в отношении европейских языков это не вызывает сомнений, то в случае с восточными языками явно не соответствует действительности.

Структурно толмачи (словари-разговорники) Старчевского (здесь мы отделяем их от многоязычных словарей) содержали: а) общий словарь, где лексика представлена по частям речи, б) тематические словники: военное дело, медицина, промышленность/промыслы, еда, дом и т.д., в) разговорные фразы по отдельным бытовым темам, г) краткое описание грамматики. По содержанию это больше словари, чем разговорники. Фразы составляют малую часть общего объема, часто в них преобладают совсем краткие, одно-двухсложные.

Латиница применялась только для европейских языков в многоязычных словарях, для восточных языков использовалась кириллица. Составитель особо подчеркивал этот момент в подзаголовках, что вполне понятно: его книги предназначались для людей, не обладающих какой-либо иноязычной базой. Для многих языков практическая транскрипция была еще не разработана и не унифицирована, поэтому искажения слов – тем более, при неосведомленности составителя – были неизбежны. Общим слабым моментом было почти полное отсутствие сведений об особенностях произношения.

Малый формат, предполагаемый для разговорников, оказался Старчевскому тесен: большинство его толмачей содержат по несколько сот страниц, а «Кавказский толмач» оказался в толщину 10 см⁹. Некоторые фрагменты, конечно, повторялись, но в любом случае работа, которую на протяжении 15 лет год за годом проделывал Старчевский, огромна.

В предисловиях Старчевский весьма настойчиво подчеркивал свое первенство в распространении практических лингвистических знаний и противопоставлял свои работы трудам ученых-лингвистов, которые «пылятся на полках». Лингвисты-современники не отреагировали на выпады в свой адрес и работы Старчевского проигнорировали. Единственная читательская рецензия, обнаруженная нами, помещена в «Историческом вестнике» (т. 46, 1891) за подписью В.З. – это В. Р. Зотов, который упоминался выше.

В рецензии (в целом благожелательной) составителю указывалось на небрежность исполнения и пренебрежительное отношение к описанию произношения, а также выражалось оправданное недоумение, почему составитель не сообщает, откуда он набирает слова и разговорные фразы. Упрек справедливый – действительно, Старчевский очень не любил указывать источники. Максимум, что он себе позволил, – это достаточно общая фраза в предисловии к «Кавказскому толмачу»: «Всё, что когда-либо было напечатано по языкам, на которых говорят на

---

⁹ «Кавказский толмач» (1891 г.) И. Р. Эркерт (1895 г.) О черкесском (адыгейском) языке <http://adygi.ru/index.php?newsid=12011>

Кавказе, не миновало моих рук. Начиная с трудов Клапрота¹⁰, затем барона Услара¹¹ и кончая последними изданиями нашей Академии наук, все послужило мне материалом для «Кав. тол.», многое пришлось добывать от туземцев»¹².

Сделав Старчевскому заказ, военно-ученый комитет, должно быть, открыл ему доступ к своим фондам, но это могло лишь частично облегчить сбор материала. Степень разработанности языков, попавших в сферу внимания Старчевского, была очень различной. Если, например, кавказоведение в России зародилось в конце XVIII в. и уже к середине XIX имело не только значительный объем накопленного языкового материала, но и авторитетные описательные труды, то – как мы уже указывали – с языками Средней Азии ситуация была гораздо сложнее. С еще большими проблемами он должен был столкнуться, включив в круг своих интересов Индию и Корею. Что же касается японского языка, то практическое знакомство с ним только начиналось.

Но даже научная освоенность отдельных языков еще не решала задачу. Отечественное востоковедение, в том числе изучение восточных языков, на том этапе развивалось как наука фундаментальная, академическая, а для словарей-разговорников требовался качественно другой материал. Источников для компиляции у составителя было немного.

Восточные толмачи Старчевского – при всем несовершенстве их исполнения и практической неэффективности – сыграли свою роль для популяризации сведений о многочисленных языках России и её соседей. На то время это был практически единственный источник, благодаря которому широкий читатель мог составить себе хотя бы самое общее представление о многоязычии собственной страны. Информационный вакуум в области лингвистического просвещения был, и Старчевский этот вакуум заполнил.

Современники Старчевского с интересом отнеслись к его опытам, книги раскупались. Экземпляр «Переводчика с русского языка на китайский» приобрел для своей библиотеки сибирский предприниматель и страстный коллекционер редких книг и рукописей Г. В. Юдин. Издание «Кавказского толмача» профинансировал Я. Г. Гуревич – уважаемый педагог-историк. Но в XX в. толмачи Старчевского больше не выходили.

Оценки толмачей в лексикографических обзорах современных исследователей находятся в диапазоне от резкой критики до признательности за описание языка впервые. В целом, востоковеды при обзорах первых словарей обычно разграничивают профессиональные работы и «второй эшелон». В таком формате словари-переводчики Старчевского прокомментировал корейист Л. Р. Концевич. При этом он указал словарь, на который опирался составитель, а также отметил, что «в его работе зафиксированы формы не только северо-восточного диалекта, но

---

¹⁰ Юлиус Генрих Клапрот (Julius Heinrich Klapproth, 1783–1835), немецкий востоковед-полиглот, иностранный член Петербургской Академии наук (1805–1812), в 1807–1808 гг. занимался этнографическими и лингвистическими исследованиями на Кавказе

¹¹ Услар Пётр Карлович (1816–1875), военный инженер по образованию (генерал-майор), один из крупнейших кавказоведов XIX в. Действительный член Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, член-корреспондент Российской Академии наук по разряду лингвистики историко-филологического отделения.

¹² Старчевский А. В. Спутник-толмач по Индии, Тибету и Японии. Санкт-Петербург, 1891, с. 3.